

КАК ПОГИБ НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Посмертная реабилитация замечательного поэта
наступила лишь спустя семь десятилетий

Шестое Чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб,
что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись,
нам насладиться.
Но что нам делать
с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам
с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить,
ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти
все мимо, мимо.
Как мальчик,
игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим
куланьем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится
тайнственным желаньем;
Как некогда
в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая,
почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья,
— Рождая орган для шестого
чувства.
Так век за веком —
скоро ли, Господь?—

Под скальпелем природы
и искусства
Кричит наш дух,
изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого
чувства.
Николай ГУМИЛЕВ.

В. Н. Таганцева). Согласно обвинению выходило, что в Питере действует «контрреволюционная организация», решившая свергнуть советскую власть. В нее якобы входят сотни людей, в том числе бывший офицер Николай Гумилев. В постановлении президиума Петроградского губчека от 24 августа 1921 года (то есть спустя лишь три недели после ареста поэта) сказано:

«...Гумилев признан виновным в активном содействии Петроградской боевой организации (ПБО), в составлении для нее прокламаций контрреволюционного содержания, в обязательном представлении ПБО личному активному участию в мятеже и подборе враждебно настроенных и Советской власти граждан для участия в контрреволюционном восстании в Петрограде, в получении денег от антисоветской организации для технических нужд...»

В этом обвинительном абзаце, решившем судьбу блестящего талантливого человека, каждое слово — ложь. Дело на Таганцева и насчет пристегнутых к нему «соучастников», порой абсолютно случайных людей, составляет примерно четыреста томов. И все они по сей день хранятся в архивах Лубянки. О Гумилеве, как уже сказано, — несколько полуграмотных страничек, составленных следователем Якобсоном, руководившим «революционным правосознанием». Ни одной очной ставки, экспертизы, ни одного вещественного доказательства...

Скажем, если речь идет о прокламациях, которые как литератор Гумилев «готовил», — то где хотя бы одна из них? Если он «вербовал» враждебно настроенных граждан, то как же граждан Гумилев не назвал хотя бы одну фамилию? Одни голословные утверждения. Есть только показания Таганцева и самого подследственного, что его, Гумилева, посетил как-то зимой 1920 года некто Вячеславский (конспиративная кличка сообщника Таганцева Шведова) и предложил составить прокламацию. Сам Таганцев написал

следователю: Гумилев в принципе согласился, но оговорил за собой право «...отказаться от тем, не отвечающим его далеко не правым взглядам».

ЛИСТАЕМ архивные материалы. Да, Гумилев рассказывал следователю: к нему еще несколько раз приходили незнакомые люди с предложением работать на подпольную организацию. Но каждый раз он отказывался. Когда 1 марта 1921 года началось восстание в Кронштадте, Николай Степанович как интеллигент и патриот близко к сердцу принял народную боль. Он даже пообещал Вячеславскому свое содействие, участие. Но и на сей раз до этого дело не дошло. В своих чистосердечных показаниях он говорил: «С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходил, и я все дело предал забвению...»

«Предал забвению». Но не предали забвению ложный донос (от которого, кстати, на следствии вскоре отказали и сам В. Таганцев) исполнительные сатрапы из губчека. Не только не поверили честному слову офицера-литератора, но пренебрегли и тем, что ему не были известны даже фамилии участников этой самой Петроградской боевой организации.

Опытный работник прокуратуры России Юрий Седов, принимавший участие в расследовании этого многотомного, довольно путаного, а в конечном итоге — практически бездоказательного дела пришел к выводу: Гумилев в контрреволюционной организации не состоял и никакой враждебной советской власти политики не проводил. С его стороны отсутствовала всякая инициатива, направленная на организацию встреч с представителями ПБО.

— А как же, — спрашиваю Седова, — с пресловутыми деньгами, полученными поэтом от Вячеславского? Они многие годы висели тяжким камнем на

честном имени Гумилева, мешали нашему правосудию восстановить справедливость...

— Да, это так. Долго, к сожалению, гулял миф о «крупной сумме» в двести тысяч рублей, полученной Гумилевым от Вячеславского. Разобрались мы и в этом. Установлено, что этот «финансовый фактор» носит скорее символический характер. К нашему протесту по делу поэта мы приложили справку Управления эмиссионно-кассовых операций Государственного банка СССР. Исходя из реальной ценности этой суммы на 1 апреля 1921 года, она соответствовала лишь 5,6 рубля 1913 года. В начале двадцатых годов покупательная способность денег была весьма низкой. Гумилев не мог приобрести на эту сумму даже простейшие технические средства для печатания, допустим, прокламаций или других документов ПБО. Об этом, как следует из материалов дела, обвиняемый открыто сказал Вячеславскому, и тот прекрасно понимал ситуацию.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда России, рассматривавшая прокурорский протест по делу Гумилева, отметила в своем определении полную несостоятельность обвинения. Это определение настолько красноречиво, что стоит процитировать его. Вот несколько выдержек:

«...о добровольном отказе Гумилева выполнить данные представителю ПБО обязательства свидетельствуют прежде всего его абсолютное бездействие по объединению антисоветских настроенных граждан для участия в наком-либо заговоре, хотя никаких не зависящих от него обстоятельств, способных помешать этому, не было. Из имеющихся в деле материалов не вытекает, что Гумилев, как это указано в обвинительном заключении, являлся активным участником ПБО. Нет в деле данных и о том, что он принимал участие в составлении прокламаций контрреволюционного содержания, не доказана и никакая-либо другая его практическая антисоветская деятельность...»

И еще: «...при оценке всех имеющихся в деле доказательств невиновности Гумилева обращая на себя внимание его показания о полученных от Вячеславского деньгах, где он говорит: «...я держал их в столе... ожидая... прихода Вячеславского, чтобы их вернуть». Эпизодическая, односторонняя связь, установленная членами ПБО с Гумилевым, лишала его возможности вернуть Вячеславскому деньги. Других же участников контрреволюционной организации Гумилев не знал. При таких обстоятельствах выводы президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии о виновности Гумилева в «...получении от контрреволюционной организации денег на технические надобности» не основаны на имеющихся в деле доказательствах.

Из материалов дела следует, что Гумилев никогда не был близко знаком с кем-либо из руководителей Петроградской боевой организации, не разделял их крайне правые контрреволюционные взгляды, никогда не был их единомышленником в вопросах борьбы с советской властью. Его отношение к существующему строю в корне отличалось от... позиций ПБО. Давая оценку политическим взглядам Гумилева, Таганцев писал: «Гумилев был близок к советской ориентации... Стороной я услышал, что Гумилев весьма далеко отходил от контрреволюционных взглядов». Одним из убедительных доказательств

нейтральности Гумилева по отношению к советской власти является тот факт, что у него нет ни одного антисоветского произведения...

Вывод высшей судебной инстанции России, к сожалению, запоздавший на целые десятилетия, был однозначным: постановление Петроградской губернской чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года в отношении Гумилева Николая Степановича отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием состава преступления. Справедливость восстановлена. Но уникально одаренного человека-то убили. Убили прекрасного литератора, побывавшего в мясорубку, перемоловшую лучшие силы отечественной интеллигенции.

НЕДАВНО в так называемом «секретном фонде» бывшего Центрального партийного архива найдены не публиковавшиеся рукописи, воспоминания о Ленине. Так вот, перед разном Учредительного собрания был разговор с Лениным группы членов ЦК левых эсеров. В ответ на заявление Спиридоновой о морали вождь революции резко произнес: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность...» Вот и действовали подручные большевиков — чекисты из гвардии Дзержинского, Ушлихта, Менжинского, Ягоды не в рамках права и закона, а исходя из «целесообразности». В этом же многотомном деле на профессора Таганцева хранится открытое письмо Ленину от известного литератора Александра Амфитеатрова. Читается — это настоящий крик русской души:

«...Только на пять минут займу я ваше внимание, только на пять минут отвлеку Вас от государственных забот. Прошу не взыскать с меня за то, что я обращаюсь к Вам не при посредстве почтовой бумаги и конверта, а при содействии печатного станка. У меня есть на то оправдания: 1) более шансов, что Вы прочтете газетную статью, чем письмо такого незначительного человека, как я; 2) простите, Вы сами создали такое положение вещей, что переписываться с Вами для корреспондента безопасно только в присутствии 1.000 свидетелей, ибо частное обращение к Вам — уже конспирация, а конспирация под Вашим знаменем — преступление...»

...Существует ли грань между идеями коммунизма и коммунизмом криминальным... Сознаете ли Вы, что Ваша идея растворилась в коммунистической уголовщине, и если это сознаете, то как можете Вы мириться с этим. Никто из Ваших подданных этой грани не чувствует, потому что ужас, произвол, голод, нужда трехлетнего ита Вашего притупили и атрофировали в них способность отличить добро от зла. Вы не можете не ощущать и не видеть того краха, который потерпела Советская власть за три года своего существования. Имеете, Владимир Ильич, мужество признать, что главный козырь Ваш, ставка на всемирную революцию — бит. Бит он потому, что Вы для осуществления его выбрали путь крови и насилия. Вы мельчаете с каждым днем, с каждым часом. Ваша идея тонет в омуте лжи, фальши, беспринципности и отсутствия уважения к самому себе. Не Вы ли подписали декрет об отмене смертной казни и разве до ушей Ваших не доносятся в тиши кремлевских палат залпы беспрепятственных ружейных расстрелов? Не Ваши ли советские жандармы расстреливают рабочего, заковывают в цепи труд, возрождают крепостное право и ужасы Аракчеевских казарм. Не Ваша ли власть до того измелчала, опаскудилась и потеряла понятие о нравственности. Некуда падать ниже...»

НЕ БУДЕМ комментировать, не будем ничего добавлять к этим горьким словам.

Юрий ДМИТРИЕВ,
спец. корр. «Труда».

ВСЕ МЫ если не знали, то слышали о нем и раньше. Со школьных, студенческих лет, когда о Николае Гумилеве, выдающемся русском поэте, даже упоминать вслух не каждый решался. Еще бы: белый офицер, «контрреволюционер», расстрелянный в 1921 году как заговорщик. Несмотря на то что сам «великий пролетарский писатель» Горький и другие литераторы обращались лично к Ленину с просьбой спасти жизнь этому человеку. Не помогло. Пустили в расход в подвалах питерского ЧК, а возможно, где-то в лесистом пригороде: справки о расстреле нам найти пока не удалось.

И вот спустя более семи десятилетий держку в руках небольшую по объему коричневатую папку с «делом Гумилева». По сей день хранится она в кагэбистских архивах с грифом «секретно». Хотя — какие тайны? Вот коротенький протокол обыска в доме 6/7 по Преображенской улице, в квартире 2, где жил поэт. Ордер на арест, выданный 3 августа 1921 года секретно-оперативным отделом. Вместе с чекистами в обыске участвует и некий член домового комитета — так что «законность» соблюдена.

Что же нашли у заговорщика? А ничего. Членский билет на 1920-й год Дома искусств при комиссариате народного просвещения, подписанный М. Горьким. Еще один билет — в книжный распределитель, карточка Всероссийского союза поэтов, кое-какие малозначащие письма, записки. Любопытно вот что. В графе «имущественное положение» сказано — «никакого». В пункте о политических взглядах кто-то из сысской службы сделал тоже весьма любопытную запись в протоколе — «аполитичен». Зато в другом протоколе, составленном уже днем, после обеда, сказано: «...в комнате оставлена засада...»

Кого надеялись дождаться вооруженные чекисты? Пока они сидели на Преображенке, началось поспешное следствие, которое вели «юристы» с мазузрами на ремне. Их мало интересовало, что на деревянной скамейке перед ними, опустив голову, сидит герой недавней войны, ушедший добровольцем на германский фронт рядовым кавалеристом, награжденный за личную отвагу в боях в Пруссии и Галиции двумя Георгиевскими крестами.

Позже, став прапорщиком, Гумилев отправился в русский экспедиционный корпус во Францию. Вернувшись в мятежный революционный Петроград, вел занятия в Институте истории искусств, в студии Балтийского флота, в Пролеткульте. Был членом редколлегии знаменитого издательства «Всемирная литература». Писал стихи, песни, добросовестно пытался сотрудничать с новыми властями.

И ВДРУГ — арест, тюрьма, допросы. Во время них поэт и узнал, кто же «подставил» его, вовлек в авантюру.

Все, оказывается, восходит к печально известным событиям начала марта 1921 года, многие десятилетия именовавшимся как кронштадтский мятеж. В действительности это был не антисоветский заговор, инсценированный, как нам долго вдалбливали, «эсерами, меньшевиками, анархистами, связанными с белогвардейскими и иностранными разведками». Это было выступление широких матросских масс, в основном выходцев из рабочих и крестьян, против коммунистической диктатуры и репрессий. Люди требовали свободы, земли, права на труд, на справедливость. В ответ — жестокое подавление, море крови и клевета, бесчестие для многих на десятилетия...

Большевистские репрессии вспыхнули с новой силой в Сибирь, на Украине, Тамбовщине. И, конечно, в Петрограде, где обоимполноценный ЧК Яков Агранов, известный позже по расследованию дела Кирова и другим громким процессам, сфабриковал «дело профессора